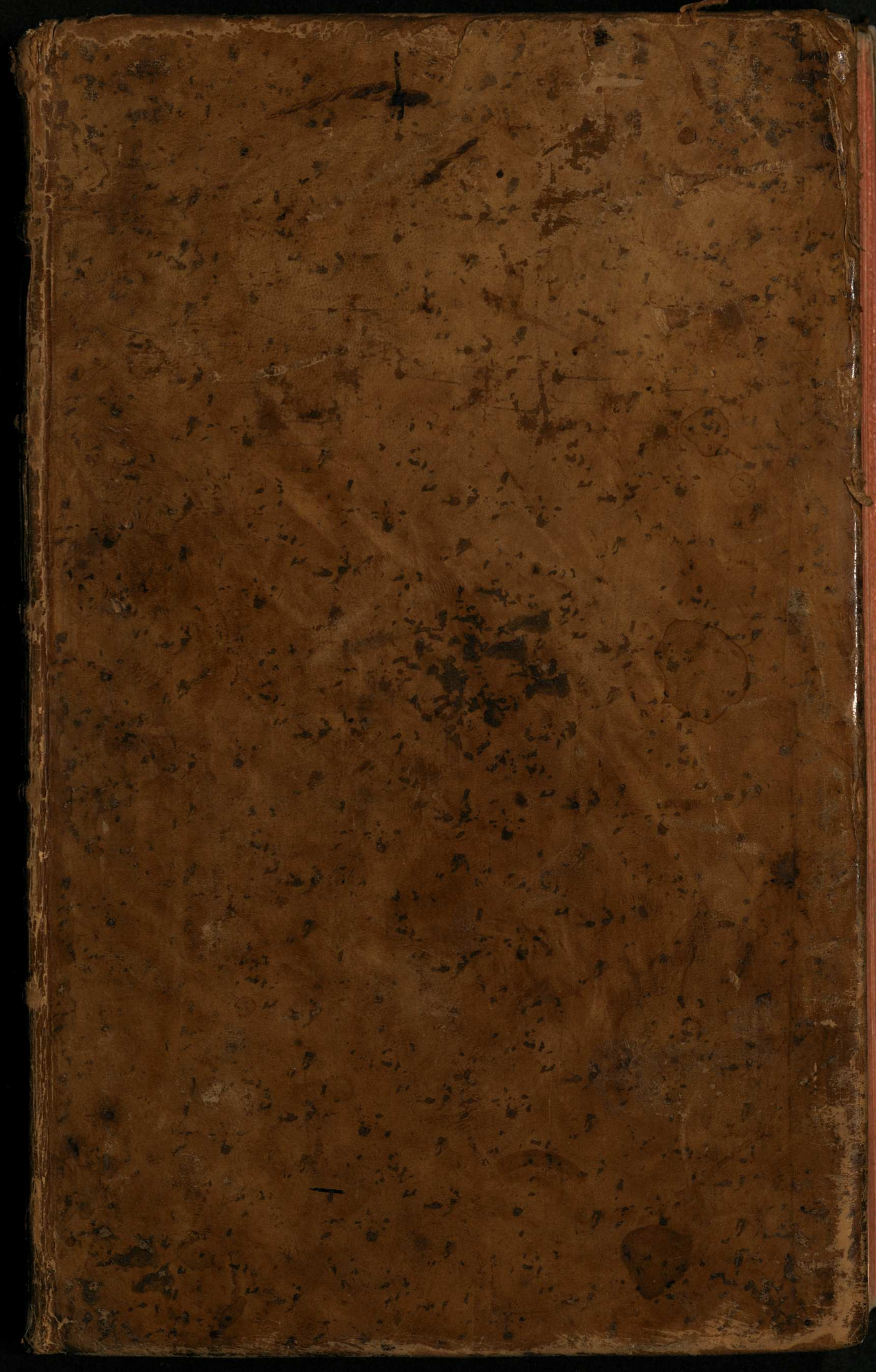
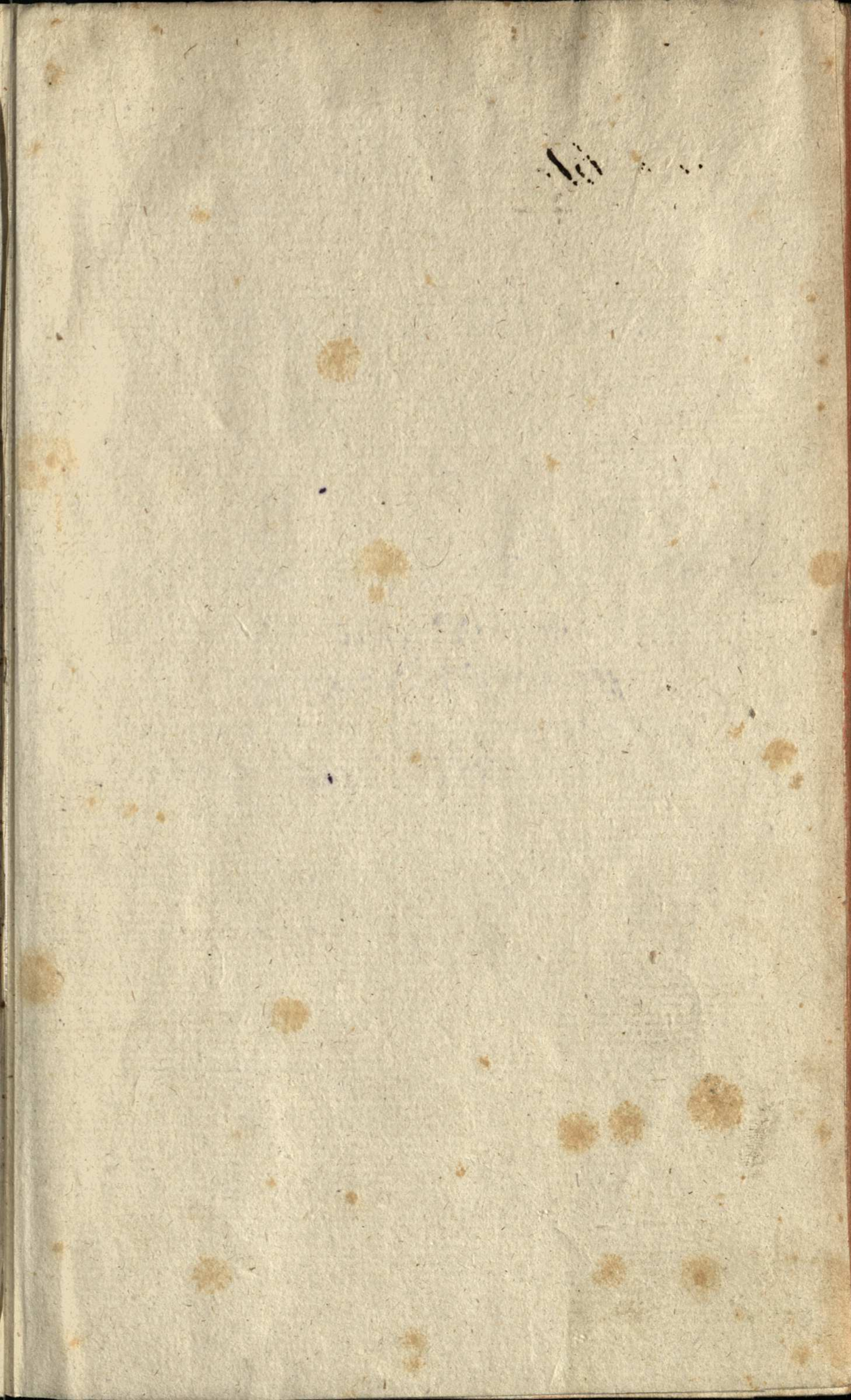




ХРИЗОФИЛЪ,

ИЛИ

ПУТЬ КЪ БЛАГОПОЛУЧІЮ

И

ОТКРЫТІЕ ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ ЗАБЛУЖДЕНІЙ ВЪ СНИСКАНІИ ОНАГО.

Человѣкъ никогда не можетъ быть доволенъ своимъ состояніемъ въ сей жизни.

Перевелъ съ нѣмецкаго

А. Н.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВЪ МОСКВѢ,

Въ типографіи А. А. 1789 году.

Съ указнаго дозволенїя

ЕГО ВЫСОКОРОДІЮ,

ВАСИЛЬЮ САВЕЛЬЕВИЧУ

ВАКСЕЛЮ,

ГОСПОДИНУ

СТАТСКОМУ СОВѢТНИКУ

и

МѢЖЕВОЙ КАНЦЕЛЛЯРІИ

ПЕРВОМУ ЧЛЕНУ,

ОРДЕНА

СВ. РАВНОАПОСТОЛЬНАГО

КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА

ЧЕТВЕРТОЙ СТЕПЕНИ

КАВАЛЕРУ

всеусерднѣйшее приношеніе.

ВАШЕ ВЫСОКОРОДІЕ,

Милостивый Государь!

Простите, что я, не имѣвъ счастія быть Вами знаемымъ, пріемлю смѣлость украсить сей мой первый трудъ посвященіемъ имени ВАШЕГО ВЫСОКОРОДІЯ и питать себя несомнѣнною и пріятною для меня надеждою, что оный удостоенъ будетъ той благосклонности и того снизхожденія, съ каковыми Вы изволите принимать приносимыя ВАШЕМУ ВЫСОКОРОДІЮ усердіемъ и преданностію труды. Надежда моя, что не буду Вами лишенъ сей милости, совершенно награждаетъ мое усердіе; а благосклонный

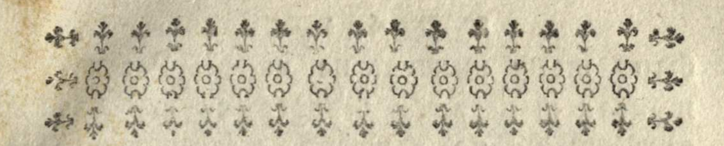
прїемъ Вашъ ее исполнитъ; и естьли бы я могъ быть столь счастливъ, чтобъ былъ увѣренъ, что и впредь приносимые моимъ усердїемъ ВАШЕМУ ВЫСОКОРОДЇЮ мои труды не будутъ отринуты, то всѣ мои силы и всѣ старанїя употреблю сдѣлаться достойнымъ Вашихъ милостей и доказать предъ Вами мою преданность и мое глубочайшее къ Особѣ Вашей почтенїе, съ которымъ навсегда честь имѣю быть,

Милостивый Государь!

ВАШЕГО ВЫСОКОРОДЇЯ,

покорнѣйшїй слуга,

Андрей Наумовъ.



ХРИЗОФИЛЪ КЪ СВОИМЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Здѣсь сообщаю я вамъ, любезные друзья! столько писемъ, сколько ихъ у меня осталось, писанныхъ моими дѣтьми, о разныхъ случающихся съ ними обстоятельствахъ; а прочее, что содержитъ въ себѣ важнѣйшія произшествія моей жизни, писано другимъ. Я немогъ воздержаться, чтобъ не соболѣзновать о долговременномъ моемъ заблужденіи, читая исторію своей жизни, проведенной въ молодыхъ лѣтахъ. Но я не намѣренъ отъ васъ утаить что нибудь такое, что можетъ быть не безполезно будетъ для отвращенія всякаго заблаговременно отъ подобнаго заблужденія, въ которомъ я гонялся за такою мечтою щастія, которая мнѣ столь близкою казалась, что я оной незналъ, а почиталъ, что вездѣ подобно мнѣ обманываются, впрочемъ признаюсь, что въ вашемъ мудромъ обществѣ

быть тому никогда не чаялъ. Разсматривая теперь сїю безпрерывную цѣпь слабостей, по которой идучи чрезъ толь многїя препятствїя, достигнулъ я наконецъ необуреваемаго пристанища, въ коемъ находясь, вижу теперь свою супругу облагодѣтельствованну сїянїемъ щастїя, и прїятно согрѣвающими онаго лучами оживленну всю свою фамилїю, и себя съ нѣжностїю отъ оной любима; взирая на все меня окружающее чувствую, что оно вмѣстѣ со мною сорадуется, и приноситъ благодаренїе Богу; когда же представляю себѣ всѣ веселости восмидесятилѣтней жизни, всѣ удовольствїя, обрѣтаемыя мною столь часто безъ всякаго старанїя въ нѣдрахъ природы, всѣ прїятныя воспоминанїя различныхъ, но безъ доброй воли исполненныхъ хорошихъ дѣлъ, восхищенїя и волненїя страстїю упоеннаго сердца, тѣ минуты представляю себѣ, въ которыхъ сїи обманчивыя мечты еще въ первомъ цвѣтѣ уподобляющемся розѣ, изчезли предо мною со всѣми своими прелестями въ морѣ безконечнаго удовольствїя, и по первомъ еще оными наслажденїи, долго на челѣ моемъ процвѣта

ли. Любезные друзья! Когда я себѣ въ семъ лѣсѣ наполненномъ столь обманчивыми дорогами и сїянїями сманивавшими меня съ истиннаго пути, всѣ сїи понятїя представлю то на томъ, то на другомъ мѣстѣ, по пробужденїи отъ какой нибудь сильной страсти, засыпаю на младомъ мху, гдѣ меня уже ожидала добродѣтель и мудрость; когда я себѣ на память привожу сїи блаженные часы со всѣми радостными ихъ чувствованїями, тогда только и забываю печаль о проведенной безъ пользы жизни, которою я столь долго не наслаждался, и благодарю выведшаго меня изъ пучины золъ въ сїю спокойную и прїятную долину благополучїя. Теперь, дражайшїе мои прїятели уже не смотрю болѣе на негодныя изображенїя художниковъ, представляющихъ намъ на мрачныхъ картинахъ красоту природы, не смотрю болѣе на златые сосуды, пышности ради изваянные, напоминающїе мнѣ о потѣ бѣдныхъ, кующихъ оные для того, чтобъ мы ихъ презирали и гордостїю своею заставляли унижаться, уже не смотрю болѣе на прихоти ненасытныхъ богачей; но устремляю взоръ

свой въ величественной и отверзтой храмъ Богомъ для охраненія вѣренной рукамъ моихъ собратій, то есть здравымъ и веселымъ земледѣльцамъ, на неизчерпаемой источникъ Божіей благости, изъ коего раздѣляютъ ихъ трудолюбивые руки довольство и веселіе людямъ всякаго состоянія, и взирая на сіе первое состояніе человѣковъ, тотчасъ представляю себѣ бывшую невинность міра, усматриваю цвѣтущія нѣдра сего прекраснаго міра, и восхищаюсь состояніемъ, въ которомъ я, естьли бы въ другой разъ могъ на свѣтъ произойти, желалъ бы находиться, гдѣ праотцевъ нашихъ блаженство поставляло отца своея фамиліи владѣтелемъ, законодателемъ, вождемъ, защитителемъ щастливаго народа, упражнявшагося въ скотоводствѣ, жившаго подъ ихъ правленіемъ къ удовольствію народа и къ радости ихъ сердецъ. Тогда бы я въ первыхъ чувствованіяхъ къ веселію пробудившагося сердца, имѣлъ предъ собой ежедневно важной предметъ человѣческаго блаженства, природу во всей ея неподражаемой красотѣ, ежедневно бы усматривалъ въ книгѣ, изображающей

блестящими на тверди небесной звѣздами имя своего творца, всегда бы могъ въ семъ зерцалѣ безчисленныхъ чудесъ видѣть и почитать величество и благость вседержителя міра. Когда бы я взирая безъ вожделѣнія на изчезающія скоро мечты богатства изъ тѣни подобящихся темной ночи лѣсовъ обращалъ взоры на поля, покрытыя одѣяніемъ весны, появившейся около нашихъ жилищъ во всемъ величествѣ, котораго великіе невольники щастія не знаютъ и не желаютъ знать, въ свободности духа въ спокойствіи по дневномъ трудѣ, въ невинности, обитающей безпрепятственно въ веселыхъ хижинахъ, въ здравіи изображенномъ на розовыхъ ланитахъ и сіяющемъ изъ полнокровныхъ жилъ счастливыхъ деревенскихъ жителей; тогда благодарилъ бы я за дарованіе столь довольной жизни тому, кто позволилъ наслаждаться должайшее время и преимущественнѣе предъ прочими истинными и непорочными увеселеніями, приносимыми природою тому только состоянію, которое есть соразмѣрнѣе съ его премудрыми намѣреніями, и

дано отъ природы достойнѣе, и къ удовольствію способнѣе.

„Тамъ приносилъ бы я жертвы „прекрасной природѣ, здѣлалъ бы „сердце свое жертвеникомъ, и прі„ятное поле служило бы мнѣ вмѣ„сто храма.

Когда бы я выходилъ съ благодареніемъ и похвальною пѣснію на поле, первымъ дыханіемъ утра оживленное, и питался небесною росою съ новыми жизненными силами; тогда осіяло бы дневное свѣтило сію великую причину производимыхъ въ мірѣ вещей, призывающее всегда къ работѣ и удовольствію, и награждало бы мой трудъ благословеніемъ, и заслуженнымъ веселіемъ. Во время моей полевой работы прохлаждали бы меня вѣтры животворнымъ своимъ дыханіемъ; птицы, долины и рощи вливали бы радость въ мое сердце, высокопарящій жаворонокъ насился бы надъ моимъ вкуснымъ завтракомъ, между тѣмъ цвѣты испускали бы ко мнѣ свое благовоніе, и веселое лице полей вразумляло бы меня, чтобъ я пользовался ихъ богатствомъ. Естьлибы оканчивалась

моя работа, къ которой бы привыкъ я отъ частаго употребленія; то ожидалъ бы меня сладкій обѣдъ, приготовленный подъ тѣнію липъ, приглашали бы меня веселящіяся мои дѣти ко вкусному молочному кушанью и къ укрѣпляющему насъ свѣжему хлѣбу, умножили бы своимъ примѣромъ во мнѣ охоту и силу къ ѣдѣ, благодарили бы меня съ радостію за труды, что я угощалъ ихъ всѣми старыми и вкусными плодами, пока еще новые непоспѣли, и отдохнувши немного послѣ обѣда, пошли бы опять со мною на поле. Когда бы по истощеніи солнцемъ полудневныхъ своихъ жарчайшихъ лучей, съ тихою работою по перемѣнномъ отдохновеніи, приближился прохладительный вечеръ, надежда спокойнаго сна, удовольствіе чувствуемое по причинѣ хорошо препровожденнаго дня, когда бы мнѣ заходящее солнце своимъ великолѣпнымъ сіяніемъ приводило на память еще гораздо величайшаго своего создателя, когда бы меня возбуждали къ благодарности всѣ голоса, возвѣщающіе мнѣ наступленіе вечера, когда бы каждый стебелекъ, каждый колосокъ, возвы-

щающійся къ небесамъ показывалъ премудрость того, кто сохраняетъ міръ своею благостію; тогда ощутилъ бы я въ тихомъ съ собою разсужденіи сердечную радость, что я вездѣсущимъ Богомъ любимъ, видимъ, ощастливленъ и опредѣленъ къ вѣчному веселію, во внутреннемъ движеніи души. Надо мною возвышалась бы великолѣпная крышка, такаяже, какая и царю природы служитъ престоломъ въ то время, когда около его множество заботъ находится. Подо мною разослала бы природа свой мшистый коверъ, на которомъ спокойствіе и радость въ ожиданіи прекраснаго міра влекли бы меня въ свои объятія еще прежде времени. Потомъ когда бы при моемъ радостномъ возвращеніи отъ трудовъ открылось новое явленіе звѣздами устланнаго неба, тогда чувствовалъ бы я въ своемъ съ радостію біющемся сердцѣ тихое восхищеніе и удивленіе къ благому создателю. Какая пріятная, чистая и невинная радость приняла бы меня тогда при порогѣ бѣдныя моея хижины, гдѣ ожидали бы меня супруга и дѣти, удовольствіе и покой, вкусное кушанье и подкрѣпленіе силъ. Тамъ

оживляло бы объятїе вѣрной и добродѣтельной супруги каждое бїенїе сердца новою силою.

„Тамъ блистала бы радость изъ „ея взоровъ, на коихъ изображено „почтенїе ко всевышнему и обожение! „Тамъ восхищалась бы она, видя „внука во всемъ подобна своему отцу, „и обнимала бы его небоящимися тру„довъ руками, сопровождала бы его „очами, исполненными невинности, „и тѣломъ, нѣжностїю не утучнев„шимъ. Наши рѣзвыя дѣти возраста„ли бы подобно прекрасному молодому „дубу, мѣжду тѣмъ, какъ гремящая „слава дѣлаетъ почтенными и покры„тыя соломой хижины, въ коихъ „обитаетъ столь долго и столь охот„но старая честность, добродѣтель „и довольство, само себя съ избыт„комъ награждающее. Да благосло„витъ насъ вольность и миръ, и „Богъ да ниспослетъ намъ свое бла„гословенїе!

Вотъ, любезные друзья! такою-то я себѣ жизнь представляю, которую бы я препровождалъ, естьли бы

еще въ другой разъ на свѣтъ сей произошелъ, и которую бы я нашелъ, хотябы и по ту сторону моря плавалъ. Теперь, лишившись уже почти силъ и жизни, и посвящая послѣднiе часы размышленiю о прежнихъ временахъ, благодарности и предуготовленiю себя къ лучшей жизни, благодарю начальника моего щастiя, что я еще заблаговременно пробудился отъ сна, низвергающаго столь многихъ мечтами заблужденiя въ погибель, и оставляющаго по пробужденiи безконечное раскаянiе о злоупотребленiи жизни. Прiимите вѣрнѣйшiй знакъ моей къ вамъ дружбы, и воспользуйтесь сими письмами и исторiею, къ чему только оныя покажутся вамъ полезными.

I.

ХРИЗОФИЛЪ.

Хризофилъ вышедъ изъ младенчества, проведеннаго имъ въ разныхъ веселостяхъ, пользовался уже всѣми преимуществами, какія только могутъ доставить знатная порода и богатство. Здравіе и нѣжность самаго веселаго темперамента блистали на его лицѣ, и совершенное удовольствіе оказывалось въ его очахъ. Всѣ называли его благополучнымъ, да и въ самомъ дѣлѣ какъ не почесть того благополучнымъ, кто всѣмъ могъ наслаждаться, кто былъ въ состояніи удовлетворить всѣмъ своимъ сердечнымъ желаніямъ, кто для того единственно и рожденъ, чтобъ жить въ удовольствіи и обладать миліонами?

Хризофилова фамилія еще съ самыхъ древнихъ временъ въ Венеціи владѣла знатнѣйшими мѣстами; чрезвычайное богатство превосходило и самую древность его знатности. Великолѣпнѣйшіе мраморные чертоги украшали пріятныя поля, лежащія при брегѣ Адріатическаго моря. Прекрасные сады давали превосходной видъ

сей славной во всей Италïи области всѣмъ тѣмъ, что можетъ произвѣсти искуство, разумъ и богатство, и ничего небыло упущено къ украшенïю тѣхъ владѣнïй, каковыя одинъ только Хризофилъ имѣлъ въ своей власти, и которыя великолѣпïемъ своимъ превосходили всѣ прочïя области.

Всѣ сïи пышности, сколько бы они ни казались превосходными, никогда бы совершенно неудовольствовали Хризофиловыхъ желанïй, естьлибы тайна у сей фамилïи столь сокровенно и столь благоразумно изъ роду въ родъ не переходила, посредствомъ которой богатство сего дома было неизчерпаемо. Древнѣйшïе предки сего дома, произшедшïе въ прямой линïи отъ Креза, имѣли Философскïй камень, то есть такое важнѣйшее искуство, до котораго новые Алхимисты до тѣхъ поръ не дойдутъ, пока того недостигнетъ самое благосостоянïе всѣхъ людей. Чрезъ преданïе и чрезъ другïя окаменелости, которые еще прежде были заготовлены, Хризофилъ пришелъ въ состоянïе сдѣлаться щастливымъ.

Въ такомъ случаѣ моглоли недоставать что нибудь такое, чрезъ чтобы Хризофилъ не могъ въ свѣтѣ сдѣлаться благополучнѣйшимъ? Могло

ли быть что либо такое, чего бы онъ пожелавъ, напослѣдокъ не получилъ? Онъ все то имѣлъ, что богатство только можетъ доставить; но къ великому его удивленїю, при всемъ томъ былъ онъ нещастливъ, потому, что въ его сердцѣ безпрестанно раждались новыя желанїя и забавы.

II.

Сералъ.

Въ самомъ роскошномъ земномъ поясѣ, на морскомъ берегу, гдѣ соляные пары въ крови производятъ сильное волненїе, и жителей возбуждаютъ наслаждаться всѣми чувственными увеселенїями; въ странѣ, которая прїятными и превосходными своими плодами сильнѣе привлекаетъ къ роскоши, нежели благотворная теплота умереннаго климата, въ такомъ — то мѣстѣ находясь Хризофилъ, былъ еще въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ имѣя въ себѣ всѣ свойства, дѣлающїя человѣка сангвиникомъ; за богатство вездѣ его почитали, всѣ Италїянскїя красавицы имъ плѣнялись и желали ему нравиться, словомъ: онъ совершенно обладалъ всѣмъ тѣмъ,

что только могло служить къ его удовольствїю; итакъ не могъли Хризофилъ ожидать всѣхъ земныхъ роскошей, ихъ желать, ими наслаждаться, и могъ ли когда нибудь ихъ лишиться?

Его любовницы, изъ которыхъ каждая жила въ особенныхъ покояхъ, были столь плѣняющи, и расходы, употребляемые къ удовольствїю сего р скошнаго Сарданапола, были столь велики, что однѣ только Черкаскїя красавицы пользовались правомъ находиться у него во всѣхъ тѣхъ должностяхъ, которыя прилично отправлять однимъ только мущинамъ. Всякїе вымыслы, употребленные для Апицїанскихъ великолѣпныхъ пировъ, Хризофилу казались недостаточными. Въ цвѣтущихъ лѣтахъ чувства его отъ всегдашняго наслажденїя чрезмѣрнымъ удовольствїемъ, произтекающимъ отъ любострастїя, сдѣлались уже столь слабы, что въ немъ ничего болѣе не оставалось, кромѣ сильнѣйшаго желанїя, которое, не утоляя его жажды, дѣлало его нещастливымъ и сожалѣнїя достойнымъ.

Возможность къ возвращенїю Хризофилу истощенныхъ силъ по многимъ неудачнымъ опытамъ уже совсѣмъ

изчезла; а при немъ остались только сильное желанїе и томящїя его прихоти. Чѣмъ болѣе помышлялъ онъ о изсякшемъ источникѣ своихъ удовольствїй, тѣмъ паче находилъ причины раскаеваться, и взирая на всѣхъ Гурїй своего Сераля, на послѣдокъ принужденъ былъ признаться, что роскошъ не можетъ человѣка сдѣлать счастливымъ.

III

ЗДАНIЯ.

Хризофилъ желая сдѣлаться щастливѣе, нежели какъ онъ былъ, или могъ быть, вскорѣ предпринялъ другое намѣренїе, которымъ безпрестанно занимаясь, старался всячески оное исполнить. Отъ сего предпрїятїя остановилось въ немъ на нѣсколько времени и стремленїе къ прежней роскоши. Онъ вознамѣрился воздвигнуть себѣ знакъ безсмертїя; и такъ все то, чѣмъ художество и вкусъ природѣ могли бы дать прелестной видъ, и представить новое и удивленїя достойное зданїе, которое бы показывало великолѣпїе, красоту природы и вымыслъ самаго высокаго разума, заняло Хризофила столь много, что безчисленное на то употреблено было

иждивенїе, дабы потомство заставить удивляться своему вкусу въ семъ построенномъ зданїи. Зеленѣющїеся сады украшали сїе удивительное произведенїе. Цѣлые домы, составленные изъ хрусталей, представляли въ тысячѣ зеркалахъ прїятныя картины, которыя будто бы для него рисованы были Зевксомъ и Апеллесомъ.

Хризофилъ въ самомъ дѣлѣ чувствовалъ великое удовольствїе до тѣхъ поръ, пока работа продолжалась, и онъ занимался разными изобрѣтенїями, дабы оныя произведены были въ дѣйствїе; ибо онъ желалъ прославиться сею неподражаемою выдумкою. Какъ скоро строенїе было окончено, и ему уже ничего болѣе неоставалось желать; то овладѣло имъ презрѣнїе, обыкновенно истребляющее въ великихъ людяхъ тѣ удоволъствїя, которыя они тогда нѣсколько чувствуютъ, когда чужестранцы находятъ совсѣмъ новыя прелести въ какомъ нибудь еще невиданномъ ими великолѣпїи.

А какъ онъ всегда наблюдалъ различїе и перемѣну, которыя предмѣтамъ всякой разъ придаютъ новый видъ, и сверьхъ того употреблялъ на то великое иждивенїе; то въ самомъ дѣлѣ всѣ чужестранцы и участники его ве-

селостей наслаждались всѣмъ тѣмъ удовольствїемъ, которое ему только одному казалось недостаточнымъ. Но какъ онъ украшалъ лучшїе внутреннїе свои покои, то волшебной его замокъ загорѣлся отъ славнаго фейерверка, и въ короткое время всѣ долговременные труды и издержанные на то многїя милїоны, преобратилися въ прахъ и пепелъ.

IV

ЧИНЫ И ДОСТОИНСТВА.

Теперь Хризофилъ уже приходилъ въ лѣта здраваго разсудка. Прежнїя удовольствїя отчасти были истощены, отчастижъ сдѣлались ему непрїятными. Честолюбїе начало производить сильнѣйшїя побужденїя въ его сердцѣ. Прежде сего пылкая его юность старалась найти свое удовольствїе только въ расточенїи богатства, въ великолѣпїи и роскоши; но теперь узнавъ, что все то было одна только суета, и что ко всему тому по причинѣ злоупотребленїя своихъ удовольствїй, раждалось въ немъ омерзѣнїе, старался онъ посредствомъ истинной чести достигнуть того, что рано

или поздно должно быть желанїемъ всякой благородной души.

Онъ вступилъ въ такую должность; которую въ Венецїи поручаютъ только самымъ разумнымъ дворянамъ; и къ которой допускаютъ болѣе за просвѣщенїе, вѣрность, ревность и любовь къ отечеству; нежели за богатство, или по какому нибудь иному случаю. Онъ съ досадою и съ великимъ старанїемъ могъ преодолѣть препятствїя, встречавшїяся ему со всѣхъ сторонъ; въ такомъ состоянїи удовольствїе для него было гораздо слабѣе прежняго, и какъ онъ достигъ до сего достоинства; то чрезмѣрно безпокоили его труды и заботы, и разрушали то краткое наслажденїе, которое одна только тѣнь честолюбїя распространила около своего Кумира.

Хризофилъ не могъ понять, какимъ образомъ иные имѣя безчисленное богатство были недовольны, и взошедъ на высочайшую степень достоинства бываютъ нещастливы; но ему еще удивительнѣе казалось, что всѣ отъ самыхъ знаменитыхъ до самыхъ нискихъ людей гоняются за симъ мнимымъ добромъ подвергая опасности свою жизнь. Въ такомъ состоянїи по

видимому ничего болѣе ему желать не оставалось, то почувствовалъ онъ ко всему непреодолимое отвращенїе, и наскучивъ всѣми прежними своими желанїями, началъ столько безпокоиться, что уже оплакивалъ состоянїе великихъ людѣй, и собственное свое, среди самаго щастїя, почиталъ нещастливымъ.

V

УДОВОЛЬСТВІЕ.

Однако не могъ онъ найти инаго средства къ преодолѣнїю своей досады и къ истребленїю несносной скуки, кромѣ того, которое обыкновенно употребляютъ великїе люди, дабы по крайней мѣрѣ насладиться однимъ видомъ удовольствїя; хотя оное въ самомъ дѣлѣ уже и совсемъ изчезло. Онъ сдѣлалъ знаменитое, празднество, каковое еще рѣдко и было; многїе милїоны были издержаны единственно для увеселѣнїя другихъ, лишь бы только сїя пышность еще его могла плѣнить какими нибудь новыми прелестями.

И для того онъ велѣлъ приготовить охоту совсемъ отмѣннаго вку-

са въ нѣкоторомъ ближнемъ своемъ владѣнїи, находящемся въ нѣсколькихъ миляхъ отъ морскаго берега. Всѣ опредѣленные быть участниками въ сей забавѣ, были одѣты на его иждивенїе и представляли боговъ и ихъ свиту. Самъ онъ принялъ видъ Аполлона, а любовница его видъ Дїаны со всѣми принадлежностями, какїя симъ богамъ приписаны въ басняхъ. Вся его свита была одѣта въ зеленыхъ платьяхъ вышитыхъ золотомъ, и всѣ лошади были убраны такимъ же образомъ.

Какъ скоро сїя свита тронулась съ мѣста; то заиграла тотчасъ духовая музыка; а за сею музыкою слѣдовали Сильваны: Всѣ они были одѣты въ зеленое платье вышитое серебромъ, и ѣхали на сѣрыхъ лошадяхъ. Великолѣпїе сїе для Венецїанъ очень чуднымъ показалось потому, что тамъ мало употребляютъ лошадей. Слуги вѣдшїе коней подъ лѣсными музыкантами и Сильванами одѣты были на подобїе Фавновъ и Сатиръ.

Музыканты въ Аполлоновой свитѣ были одѣты въ лазуревое и серебреное штофное платье, и ѣхали за Сильванами на бѣлыхъ лошадяхъ, покрытыхъ приборами такойже матерїи. Длинныя

цѣпи, сплетенныя изъ розъ и пальмовыхъ вѣтвей, окружали хоръ оныхъ музъ. Шляпы у нихъ убраны были длинными перьями; одежды унизаны жемчугомъ; лошадей ихъ вели Сатиры въ лазуревыхъ платьяхъ.

За ними слѣдовали пять дамъ, одѣтыхъ какъ богини Часовъ. Ихъ одежда, шляпы, плюмажи, ленты и конской приборъ были совсемъ бѣлыя, сами же они ѣхали на черныхъ лошадяхъ, которыхъ вели Сатиры въ бѣлыхъ платьяхъ.

VI

ВЫѢЗДЪ.

Хризофилъ показался въ видѣ Аполлона, имѣя съ собою Діану. Золотая лира висѣла чрезъ его рамена на лавровой цѣпи, переплетенной цвѣтами и унизанной жемчугомъ. Оба они были въ зеленыхъ одеждахъ, осыпанныхъ всякаго рода драгоцѣнными Индостанскими каменьями. Блестящіе алмазы и золото испускали лучи на бѣлыя перья, отъ чего весь головной ихъ уборъ въ самомъ дѣлѣ уподоблялся солнцу и лунѣ. Діана съ обнаженнымъ плечомъ, съ открытою до по

ловины грудью и съ распущенными свѣтлорусыми власами несла золотой колчанъ, повѣшенной на розовыхъ и лавровыхъ цѣпяхъ, унизанныхъ жемчугомъ, которыхъ перевязи обвились около ея раменъ и бедръ. Бѣлогривые златовидной шерсти кони шли бодро, гордясь подъ везеннымъ ими бременемъ. Никогда еще не было видано Арабскихъ лошадей столь прекрасныхъ. Они были покрыты зелеными коврами, шитыми золотомъ и ведены Сильванами, одѣтыми въ платье такогоже цвѣта. Нѣсколько сотъ благородныхъ дѣвицъ и юношей въ Аполлоновой и Діаниной свитѣ одѣты были въ зеленыхъ съ серебромъ платьяхъ. Лошади ихъ были прекрасной ворсной шерсти, подъ зелеными покрывалами съ серебреными кистями, и вели ихъ слуги одѣтые въ зеленое платье на подобіе лѣсныхъ боговъ.

Вся дорога, по которой шла сія церемонія, была окружена съ обѣихъ сторонъ конными и пѣшими зрителями всякаго состоянія. Шествіе продолжалось около часа, и наконецъ заключено было еще великолѣпнѣйшею свитою Венеціанскаго дворянства, которое старалось сдѣлать честь сему торжеству.

Хризофилово вниманіе и великое его иждивеніе столь далеко простирались, что самая большая площадь, на которой отправлялась сія церемонія, усажена была вся цвѣтами, которые казалось разсѣяла сама природа. Вкругъ сего мѣста насажены были Лавровыя деревья, Жесмины и Розовые кусты, и весь воздухъ наполненъ былъ пріятнымъ запахомъ, происходящимъ, отъ всякаго рода цвѣтовъ.

VII.

ОХОТА.

Какъ скоро сія Аполлонова свита достигла означеннаго мѣста; то всѣ пошли въ томъ же самомъ порядкѣ въ Цитронно — Лавровой лѣсъ, которой къ концу приходящихъ плѣнялъ невидимымъ но прелѣстнымъ согласіемъ. Среди онаго лѣса находилась прекрасная долина, окруженная оградою, искусно сплетенною изъ различныхъ деревъ, въ срединѣ которой было множество бесѣдокъ, стоявшихъ по сторонамъ одна противъ другой, и изображавшихъ прекрасную алею, каковую едва ли кто когда видалъ. Позади сихъ бесѣдокъ въ большихъ ящикахъ насажены были деревья Пальмовыя, Ли-

монныя и Гранатовыя и въ землю столь искусно врыты, что все по видимому было произведенїемъ самой природы.

Между бесѣдками сооружены были великолѣпнѣйшїе изъ раковинъ гроты, и надъ проложенною между бесѣдками дорогою сдѣланъ былъ древесной сводъ, которой препятствовалъ проходить въ оную солнечнымъ лучамъ. При концѣ той дороги стояла большая бесѣдка, въ которую посажены были лисицы, назначенныя для охоты, а по сторонамъ оной въ маленькихъ гротахъ была охотничья музыка; и во всякомъ гротѣ сидѣла женщина съ мущиною. Пространство между переднею и заднею стѣною, наполнено было великимъ множествомъ зрителей, которыми окружена была и вся площадь.

Какъ скоро Хризофилъ съ своею любовницею взошелъ въ гротъ; то хоръ Сатиръ и Наядъ протянулъ съ одной стороны до другой зеленыя серебромъ переплетенныя цѣпи, у коихъ на срединѣ были петли, и которыя съ одной стороны держалъ кавалеръ, а съ другой дама. Свита Аполлонова держала такїяжъ веревки въ равномъ разстоянїи. Когда лисица выскакивала

изъ одной петли, то попадалась въ другую, и лишь только была поимана, то поставленные на сторонахъ Сатиры тотчасъ къ ней подходили и развязывали ошейникъ, на которомъ была надпись. Дама прикалывала такой почетной знакъ къ своей рукѣ, и всякой почиталъ за удовольствїе, естьли кто оной у себя имѣетъ.

Какъ скоро лисицы были выпущены; то старался всякой ихъ изловить, и ни одна изъ нихъ не ушла. Иные кавалеры изловили ихъ болѣе нежели одну, и Сатиры отводили ихъ назадъ.

VIII.

Пиръ.

Лишь только сїя потѣха кончилась; то чрезъ нѣсколько часовъ тѣже фавны и Сатиры на тѣхъ мѣстахъ поставили столы. Среднїй же столъ, за которымъ сидѣлъ богъ Солнца съ своею сестрою подъ великолѣпнѣйшимъ балдахиномъ, накрытъ былъ только для его свиты, для Музъ, Часовъ, Грацїй, для Дїаниныхъ жрецовъ и ея нимфъ, Наядъ, Дрїадъ, Напѣевъ, Гамадрїадъ и Ореадъ. Столовой приборъ

былъ сдѣланъ изъ самаго чистаго золота; а на прочихъ столахъ были серебряные уборы; и все то было такимъ образомъ разположено, какъ обыкновенно бываетъ въ Маскерадахъ.

Въ сихъ распоряженіяхъ было все то, что можетъ произвѣсть вкусъ, великолѣпіе и безчисленное иждивеніе. На представленіе сего Парнасса зрители смотрѣли съ горы украшенной зеленью и золотомъ, съ которой видны были превращенія Аполлона и Діаны, также ихъ великолѣпное восхожденіе на небеса и снисхожденіе на землю; все то представляли искусные машинисты, и во время стола продолжалась пріятная и приличная сему торжеству музыка.

Превосходныя кушанья и напитки прямо соотвѣтствовали оному торжеству, и въ продолженіе сего пиршества солнце уже клонилось къ западу, когда еще не былъ поставленъ дезертъ; лишь только оный былъ приготовленъ, то вдругъ появилось на театрѣ великое множество актеровъ, представляющихъ самое восхитительное дѣйствіе, соединенное съ пріятнѣйшимъ пѣніемъ и музыкою.

Никто еще такого великолѣпія не видывалъ, никакой день не былъ столь прекрасенъ, и никто никогда

столько не удивлялся, какъ въ сїе торжество, которое стоило нѣсколькихъ милїоновъ. Одинъ только Хризофилъ не былъ доволенъ столь прїятнымъ зрѣлищемъ въ сихъ прелѣстныхъ странахъ. Духъ его не имѣя никакого увеселѣнїя отъ сего пира, всегда желалъ наслаждаться чѣмъ нибудь новымъ, презирая настоящее. И Хризофилъ только одинъ чувствовалъ меньше прочихъ удовольствїя, хотя онъ самъ и больше всѣхъ о томъ заботился.

IX.

ИЛЛЮМИНАЦІЯ.

Между тѣмъ, какъ уже день сокрылъ свое лице, и влажная ночь покрыла поля; то славные машинисты отдернувъ шелковые ковры, вдругъ представили горящїя паникадилы иллюминованные разными огнями, и въ мгновенїе ока показалось болѣе двенатцати тысячь горящихъ зеленыхъ и бѣлыхъ восковыхъ свѣчь въ великолѣпныхъ люстрахъ и стѣнныхъ подсвѣшникахъ. Всѣ они были сдѣланы изъ зеленаго хрусталя, и зрѣнїю представляли гораздо большїй блескъ солнечныхъ лучей.

Сатиры тотчасъ поставили около бесѣдокъ множество плошекъ, которыя гроты снаружи освѣщая, внутри дѣлали прїятную тѣнь, способствующую для прохаживающихся гостей къ отдохновенїю и спокойствїю. Прекрасныя башни, находядящїяся по всей долинѣ и по дорогѣ, были иллюминованы разными фонарями, и все то было необозримою цѣпью свѣтящихся рядовъ, которые болѣе умножали свое сїянїе, отбрасывая лучи на позлащенныя башни; самойже огонь отъ разныхъ составовъ въ свѣчахъ издавалъ прекрасное зеленое пламя.

При концѣ алеи, стояли освѣщенные Хризофиловы чертоги, Солнцевъ храмъ представляющїе, которые снаружи и внутри казались плавающими въ морѣ лучей различныхъ огней. И какъ уже иллюминацїя была совершенно изготовлена, то вскорѣ перемѣнилась вся громогласная музыка въ тихое и восхитительное согласїе, производящее у всякаго въ сердцѣ сильное движенїе и вниманїе. Свѣтъ отъ люстръ происходящїй придавалъ большую нѣжность, красоту и прелѣсти бывшимъ тамъ красавицамъ. Вино и согласїе музыки, мѣстоположенїе, вечеръ и всюду тихое дыханїе Зефира, все казалось привле-

кало въ раскошные и тѣнистые гроты. Сперьва Аполлонъ скрылся съ сестрою своею Дїаною, а потомъ и вся свита ему послѣдовала.

X.

ВОЗВРАЩЕНІЕ.

После того какъ уже всѣ участвующїе въ сихъ забавахъ пошли въ гроты для отдохновенїя, и столы со всѣми къ оному торжеству принадлежностьми были прибраны; то воспослѣдовало возвращенїе Аполлона и Дїаны со всею ихъ свитою въ такомъ же порядкѣ, но гораздо съ большимъ великолѣпїемъ. Тѣже самые Фавны и Сатиры вели подъ кавалерами лошадей, и Нимфы были въ Дїаниной свитѣ, Каждая дѣвица держала горящей восковой факелъ, и каждый Сатиръ предъ одержавшимъ побѣду несъ Миртовой венецъ, сплетенной изъ Пальмовыхъ вѣтвей и розъ. Самыя лошади, казалось будто изъясняли ту радость своимъ ржанїемъ, которую ощущали чувства зрителей при семъ удивительномъ великолѣпїи.

Вся церемонїя съ торжественною музыкою шла чрезъ алеи, наполнен-

ныя со всѣхъ сторонъ удивляющимися зрителями, и одна часть Турецкой музыки ѣхала впереди, а другая заключала сїе шествїе. Половина Италїи собралась въ сїе время; и при возвращенїи великолѣпїе было гораздо пышнѣе отъ безчисленнаго множества огней и факеловъ, нежели какъ поутру при выѣздѣ.

Какъ скоро сїя церемонїя окончилась, и всѣ сошли съ лошадей, то пошли въ Аполлонову залу, приготовленную для танцованїя, въ которой не менѣе было шести сотъ мазокъ. Все было тамъ позлащено и такой испускало блескъ, что въ самомъ дѣлѣ всякой бы подумалъ, что онъ находится въ Солнцевомъ храмѣ. Восхожденїе Авроры представлено было на Плафонѣ, которой уподоблялся морю, свѣтящемуся отъ блистающихъ Сафировъ. Столбы казалось вылиты были изъ чистаго золота. Однакожъ все было только произведенїемъ Оптическаго обмана, служащаго для прекрасныхъ превращенїй, и представляющаго къ удовольствїю всѣхъ, самой великолѣпной видъ.

XI.

БАЛЪ.

Балъ открылъ самъ Хризофилъ балетомъ съ своею любовницею, въ

видѣ Аполлона и Дїаны въ приличномъ одѣянїи симъ богамъ, и въ сїе время Часы, Музы, Грацїи и Нимфы занимали назначенныя имъ мѣста. Вскорѣ потомъ началось танцованїе, и веселость сдѣлалась общею. Во всѣхъ буфетахъ поставлены были всякаго рода прохладительные напитки и происходящїй отъ пѣнящагося вина и душистыхъ водъ благовонный запахъ, сходствовалъ съ Амброзїею и Нектаромъ; и все то изображало подобїе Олимпа.

Аполлонъ съ Дїаною скрылись, и спустя нѣсколько времени появились опять оба, Хризофилъ въ видѣ Марса а любовница его въ видѣ Венеры. Свита ихъ приняла на себя видъ всѣхъ Греческихъ и Римскихъ обоженныхъ Героевъ. Вскорѣ послѣ сего искусствомъ Машинистовъ театральныя украшенїя преобратились въ торжественные своды; украшенные геройскими трофеями, Театральная музыка перемѣнилась въ военную, и величественные Геройскїе танцы открыли новое зрѣлище.

Всѣ приходили въ изумленїе, видя такое великолѣпїе; котораго лучше никакой Государь не могъ сдѣлать. Всѣ удивлялись Хризофилову богатству, и завидуя ему, похищали его имѣнїе столько, что всякой

другой богачь пришелъ бы въ убожество. Жертвованіе своимъ богатствомъ ничего не значило для обладателя Философскимъ камнемъ, но жертвованіе своимъ здравіемъ, заботы, и досада, что онъ среди наслажденія самъ не ощущаетъ удовольствія другимъ доставляемаго, укоризна терзающая его, что онъ только увеселяетъ ласкателей и глупцовъ, которые ему завидовали и его ненавидѣли, и самое отвращеніе, безпокоившее его среди сихъ забавъ, все то было ему несноснымъ мученіемъ, котораго онъ не могъ промѣнять ни на миліоны, дабы только отъ себя оное удалить. Хризофила вѣсь свѣтъ почиталъ щастливымъ, и онъ самъ всегда старался сдѣлаться такимъ, однакожъ не думалъ никогда сего достигнуть.

XII.

Ночь.

Хризофилъ будучи отягченъ такими размышленіями, провелъ многія ночи безъ сна, и въ пріятные дневные часы тщетно воздыхалъ онъ о спокойствіи, ежедневно стремясь къ новымъ удовольствіямъ и роскошамъ, дабы отогнать отъ себя всѣ заботы и до-

сады, однако они всегда были его вѣрнѣйшими спутниками, и лишили его желаннаго ему истиннаго удовольствїя.

Тщетно Хризофилъ исполнялъ всѣ совѣты художниковъ и остроумныхъ людѣй, дабы опять наслаждаться спокойствїемъ духа, котораго въ волнующемся страстями сердцѣ никакъ не возможно было возставить. Тщетно напрягалъ онъ силы погруженной въ сладострастїяхъ юности, дабы возобновить перьвую бодрость и пылкость остраго юношескаго воображенїя; но оно уже его оставило и Хризофилъ подлинно зналъ, что оное для него никогда опять не воспламенится изъ пеплу угаснувшихъ его страстей,

Онъ предпринялъ такое намѣренїе, къ которому рано или поздно всякой разумной богачь долженъ устремиться, дабы только наслаждаться истиннымъ и великимъ удовольствїемъ, которое человѣкъ усматриваетъ въ прямомъ видѣ тогда, когда онъ будетъ приходить въ слабость, и ему наскучатъ чувственныя увеселенїя, и когда начинаетъ онъ искать спокойствїя въ безмятежныхъ душевныхъ увеселенїяхъ, къ которымъ онъ

и чувствовалъ еще себя быть способнымъ, зная, что оныя не могутъ ему причинить ни омерзѣнія, ни досады, ни истощенія силъ, ни раскаянія, и никакимъ болѣзненныхъ чувствованій; и такъ онъ началъ раскаеваться, что прямое щастіе такъ поздо къ нему пришло, о которомъ онъ прежде думалъ, что уже его пріобрѣлъ.

XIII.

УЧЕНОСТЬ.

Въ толь позднымхъ уже лѣтахъ узналъ Хризофилъ, что въ наукахъ, на которыя онъ до сего времени взиралъ съ презрѣніемъ, обыкновенно свойственнымъ великимъ людямъ, заключается врачеваніе души и средство къ разогнанію ея безпокойствъ. И для того онъ далъ входъ въ домъ свой всѣмъ ученымъ людямъ, мужамъ высокаго духа, мудрецамъ, и любителямъ свободныхъ наукъ, дабы обращаясь съ ними, могъ вознаградить безъ пользы проведенное имъ время.

Но въ какое пришелъ онъ изумленіе, когда примѣтилъ между ими великое

неравенство и ссоры, и увидѣлъ свой домъ ратнымъ мѣстомъ, гдѣ одинъ другому не хотѣлъ дать преимущества. Какъ вы можете, говорилъ имъ Хризофилъ, пріобрѣсть себѣ похвалу, какъ единственную и важнѣйшую цѣль вашихъ стараній и трудовъ, когда вы грызетесь между собою подобно бѣшенымъ сабакамъ? Когда вы дѣлаетесь посмѣянія достойными предъ не просвѣщенными людьми; которые сколь мало понимаютъ ваши ученые споры, столь же мало вамъ и удивляются? Или вы не примѣчаете, что ваши столь худые поступки всегда помрачаютъ ваше преимущество, которымъ вы отличаетесь отъ невѣждъ? Повѣрители вы что ненависть, измѣна, клевета и подлое поведеніе могутъ когда нибудь прославить великаго мужа? Нѣтъ, самой разумной человѣкъ, такъ подло себя ведущій, будетъ представлять только одну тѣнь ученаго. Вы можете своимъ разумомъ нравиться, а возвыситься только чрезъ одну добродѣтель. Ваша злобная критика помрачаетъ и то и другое, и принуждаетъ всякаго взирать на васъ съ презрѣніемъ. Каждый удивляется рѣдкимъ дарованіямъ музыканта и актера; какъже скоро оба сіи

перестаунтъ шрогать наши чувства, то на перьваго смотримъ неиначе какъ на скрыпку, на которой онъ столь искусно играетъ; а на друіова какъ на шута. Съ вами бы того никогда не случилось, естьлибы вы не были столь упрямы. Вы въ самомъ дѣлѣ были бы Астрономами и путеводителями человѣческаго рода; естьли бы только одна премудрость была вашею цѣлью, ибо одному только разуму предоставлено открывать тайны сердца. Разумному человѣку прилично хранить мудрость и исполнять ея наставленія; но вы по развратной своей волѣ разумъ и сердце между собою совсѣмъ разлучили; ваши дарованія для васъ безполезны, и ваши лавровые вѣнцы увядаютъ на вашихъ главахъ.

XVI.

УЧЕНЫЕ.

Между тѣмъ ученые не преставали между собою ссориться, и притомъ ласкательствомъ и подлостію старались получить мѣсто при Хризофиловомъ столѣ, котораго они чрезъ безпрестанную брань и клеветы сдѣлались недостойными. Послѣ сего

краткаго удовольствїя долго Хризофилъ досадовалъ.

Онъ сочинилъ самъ для прогнанїя скуки книгу, исполненную разума и остроумїя, которая вскорѣ заслужила отъ всѣхъ одобренїе, потому что издана была отъ имени великаго и знатнаго человѣка. Ученые публично оную хвалили, и другъ предъ другомъ рвались, кто болѣе въ ней найдетъ лучшихъ и замысловатыхъ мѣстъ; тайноже ее охуждали и признавали за безсмысленныя враки, родившїяся изъ пустой головы. Они доказывали, что въ ней совсѣмъ не видно было слѣдовъ здраваго разсудка.

Тѣ самые, которые Хризофила объявляли знающимъ науки, по причинѣ почтенїя имъ отъ него оказываемаго, и безпрестанно одинъ другому противорѣчили; теперь вмѣстѣ согласились, чтобъ совсѣмъ опорочить и обезславить то сочиненїе, которое возбуждало въ нихъ зависть и ненависть, притомъ превышало ихъ собственныя дарованїя и общенародно заставляло ихъ стыдиться.

Сколько Хризофилъ имѣлъ друзей до тѣхъ поръ, пока его преимущества были неизвѣстны, а только онымъ удивля-

лись съ худой стороны, представляя себѣ его безчисленное богатство; столько увидѣлъ онъ теперь явныхъ противъ себя непрїятелей, какъ скоро его дарованїя начали превышать его преимущества предъ другими, могущїя его прославить, а друзей его унизить.

И въ семъ упражненїи видѣлъ онъ себя не щастливѣе, какъ и во всѣхъ другихъ, и узналъ напослѣдокъ, что мудрость и ученость не могутъ защитить отъ нападенїй, ненависти и нещастїя.

XV.

ЖЕНЫ.

Хризофилъ будучи окруженъ со всѣхъ сторонъ нещастїями, напослѣдокъ вознамѣрился изгнать изъ дому своего всегдашнее вѣроломство, хитрость, обманъ и злобу своихъ любовницъ; потомъ началъ провождать жизнь свою съ меньшимъ безпокойствомъ и съ небольшею свитою; также выгналъ онъ большую часть ласкателей, и такихъ, которые скрываясь подъ именемъ ученыхъ, удивлялись его знанїю и любили его столъ, пиры и сады. Уединенїе было для него

пріятнѣе мірскаго шума. Онъ пожелалъ имѣть только одну подругу, которая бы любила его какъ себя, и по достоинству называлась бы его супругою.

Перьвая, плѣнивши сердце его своими прелестями, расположена была равно ко всему мускому полу, довольно оказывала благосклонности и Хризофилу. Она взирала на его имѣніе какъ на средство, чрезъ которое бы могла удовлетворить своимъ прихотямъ. Ея невѣрность вскорѣ сдѣлалась ему извѣстна такъ, что Хризофилъ по принужденію съ нею развелся бы, естьли бы смерть ихъ не разлучила и не избавила его отъ несноснаго стыда.

Вторая изъ его супругъ съ самомъ дѣлѣ была гораздо любви достойнѣе перьвой. Она наблюдала законы чести такъ строго, что домъ его сдѣлался суднымъ мѣстомъ отдаванія чести. Супругъ долженъ былъ угодить ей тѣмъ, чтобы сдѣлать въ домѣ своемъ совершенную перемѣну, и заставить друзей своихъ терпѣть несносное принужденіе, и каждаго наблюдать таковые законы, которые однакожъ не совсѣмъ удовлетворили ея гордости. Хризофилъ принужденъ былъ съ нею развестися.

Онъ женился потомъ на третей, которая совсѣмъ не имѣла тѣхъ пороковъ, какіе находились въ двухъ перьвыхъ его супругахъ. Хотя она была въ самомъ дѣлѣ столькоже безчувственна, сколько и хороша, стольже слабоумна, сколь и неспособна сдѣлать щастливымъ или нещастливымъ своего мужа; однакожъ даровала ему сына въ то самое время, когда онъ ни мало о томъ не помышлялъ. Отеческая любовь въ немъ пробудилась, и онъ напередъ уже представлялъ себѣ столько радостей, что взирая на своего сына, какъ на утѣшеніе своей жизни, твердо рѣшился воспитать его для своего удовольствія.

XVI.

ХРИЗАЛИТЪ.

Безуміе и злоба составляли главное Хризалитово свойство, и вмѣсто утѣхъ, которыя Хризофилъ надѣялся отъ него получить чрезъ мудрое воспитаніе, ничего болѣе въ немъ не нашелъ, кромѣ причины къ сожалѣнію о такомъ сынѣ, которой единственно только помышлялъ, какъ бы увидѣть скорѣе смерть отца своего. Ни ласковостію, ни наказаніями не могъ

онъ исправитъ пороковъ его сердца и разума, которые суть неизцѣльное зло въ молодыхъ лѣтахъ. Хризалитъ такъ былъ склоненъ ко всѣмъ порокамъ, занявшимъ мѣсто слабости его разума, что онъ въ произведенiи злобныхъ своихъ предпрiятiй столькоже хитръ и лукавъ былъ, сколько ко всѣмъ добрымъ дѣламъ неспособенъ, лѣнивъ и упрямъ.

Чѣмъ болѣе старался Хризофилъ исправить качества своего сына; тѣмъ нещастливѣе видѣлъ онъ себя въ разсужденiи того, что не примѣчалъ въ немъ тѣхъ щастливыхъ знаковъ какъ-то опытности, способности къ употребленiю имѣнiя, трудолюбiя и остроумiя, которыя въ такихъ лѣтахъ, какъ его сынъ, должны уже оказываться, и въ коихъ не рѣдко и самая природа отказываетъ желанiямъ родительскимъ. Для сей причины поручено было воспитанiе Хризалита другимъ людямъ, которые принуждены были прибѣгнуть къ суровости и наказанiямъ, надѣясь сколько нибудь исправить его свойство и истребить въ немъ наклонность къ порокамъ.

Хризофила ежедневно обезпокоивали новыя нещастiя. У него едва и

имѣнія доставало для вознагражденія всѣхъ безпорядковъ сыновнихъ, а печаль прогоняла его сонъ. Онъ ни чѣмъ не могъ уменьшить своей тоски, которую причиняли ему безмѣрное сожалѣніе и всегдашнее раскаяніе о томъ, что самъ былъ причиною своего нещастія; ибо сколько онъ ни размышлялъ о безпорядкахъ, глупости и злобѣ своего сына, завсегда находилъ, что главною того причиною былъ не равной союзъ съ глупою женою, избранной имъ самимъ по причинѣ недовѣрчивости къ женскому полу.

Однакожъ какъ всѣмъ людямъ свойственно, чтобы и послѣ тысячи безплодныхъ опытовъ искать своего щастія тамъ, гдѣ его нѣтъ; то и Хризофилъ вознамѣрился пріобрѣсть оное такимъ средствомъ, которое было для него самое печальное.

XVII.

АКТРИСА.

Хризофилъ предпринялъ намѣреніе, отчасти для прогнанія своей скуки, отчастижъ по привычкѣ къ прежнимъ роскошамъ, посѣщать одну Актрису, заслужившую отъ всѣхъ

похвалу и одобренїе. Красота ея плѣняла знатныхъ Венецїанъ; дарованїя ея приводили въ восхищенїе зрителей; повелительной ея голосъ владычествовалъ надъ сочинителями; и прелести ея многихъ изъ кавалеровъ сдѣлали ей поданными. Она доставляла Хризофилу все то, чѣмъ только можетъ пожертвовать сребролюбивая дѣвица старому сластолюбцу и его богатству, котораго расточенїя сходствовали съ любовїю сей Клеопатры. Пиры, подарки въ день ея рожденїя и тезоименитства, увеселительные домы, богатые уборы, словомъ: ничего не было пощажено, что только могло ему доставить ея любовь.

Актриса удивлялась великодушїю своего любовника, она не понимала, какъ онъ могъ довольно найти богатства на всѣ издержки, къ которымъ она подавала случай. Она въ самомъ дѣлѣ предпочитала его многимъ молодымъ и прекраснымъ любовникамъ. Она участвовала въ добрыхъ дѣлахъ, которыя онъ намѣревался дѣлать, ея великодушїе не имѣло никакихъ предѣловъ, она даже содержала на своемъ коштѣ прекрасныхъ чужестранцовъ, прїѣзжавшихъ въ Венецїю и не имѣвшихъ пропитанїя.

Роль, актрисою съ Хризофиломъ игранная, была столь хорошо выдумана, и такъ искусно сыграна, что онъ нимало не сомнѣвался въ ея вѣрности. Самолюбїе такъ ослѣпило ему глаза, что онъ думалъ, будто она его любила за превосходную его красоту. И для того нѣкогда вознамѣрился онъ испытать свою любовницу, притворясь, якобы онъ промоталъ все свое имѣнїе. Онъ надѣялся не только найти ее столькоже великодушною, сколько онъ до сего времени ничего для нее не щадилъ, но думалъ, что она сжалившись надъ нимъ, познаетъ его жертвованїе, и немедленно раздѣлитъ съ нимъ все свое щастїе. Сколь сильно ослѣпляетъ самолюбїе богатыхъ и разумныхъ людѣй!

XVIII.

ОПЫТЪ.

Однажды предсталъ онъ предъ свою любовницу съ чрезвычайною прискорбностїю и задумчивостїю, и долго не хотѣлъ ей открыть причину своей печали; напослѣдокъ признался ей съ великимъ сожалѣнїемъ, терзаясь о томъ, что щастїе совсѣмъ его оставило, что онъ не надѣется быть

когда - либо щастливымъ, и что она только одна можетъ ему сдѣлать въ семъ состоянiи отраду.

Какъ это могло случиться? сказала актриса, вы не имѣете средства опять поправиться? — Нѣтъ, отвѣчалъ Хризофилъ, я всего лишился. Все я расточилъ и промоталъ, на васъ осталась только надежда, и чегожъ мнѣ еще желать на свѣтѣ, когда я точно увѣренъ о вашей ко мнѣ любви? — Какъ! вы точно увѣрены о моей любви? Подумайте, что вы говорите? Вы въ старыхъ лѣтахъ женившись, прижили сына мота, и такъ скажите, что бы я для васъ сдѣлала? Я поговорю съ однимъ человѣкомъ, которой можетъ быть для васъ, что угодно сдѣлаетъ. Однако мы не можемъ опять видѣться, потому, что это все бы равно было, что естьли бы мы развелись и сдѣлались предметомъ посмѣянiя всего свѣта, тогда всѣ сказалибы, что я имѣла къ вамъ глупую любовь, и чтобъ возвратила вамъ все, чѣмъ вы меня ни дарили. Я бы этого не сдѣлала, естьли бы не было сему примѣра. Я не хочу ни себя ни васъ подвергнуть посмѣянiю.

О небо! вскричалъ Хризофилъ, что я слышу! повѣрилъ ли бы я тому,

чтобъ ты, для которой я нещадилъ своей чести и богатства, такъ обо мнѣ думала, какъ всѣ легкомысленныя особы вашего пола.

Послушайте меня въ послѣднїй разъ, сказала актриса, не перебивая моей рѣчи. Я вижу, что вы совсѣмъ ложныя имѣете понятїя о нашемъ полѣ, и весьма смѣшно думаете, что будтобы мы должны исполнять всѣ на театрѣ представляемыя добродѣтели. Естьли вы меня любили для сихъ причинъ; то вы нимало не достойны сожалѣнїя, ибо вы не заслужили лучшей участи, какъ только быть бѣднымъ.

XIX.

ПРИЗНАНIЕ.

Прежде нежели мы вступимъ на театръ; то уже забываемъ честь, а иначе мы не избрали бы сего рода жизни. Театръ нимало насъ не обезчещиваетъ; онъ еще довольно приноситъ намъ славы, которую мы по большей части снискиваемъ чрезъ безстыдство и отважность. Это благородно, что мы свои дарованїя чрезъ то оказываемъ на театрѣ зрителямъ, и притомъ оныя продаемъ.

Итакъ естьли кто нибудь свою любовь и имѣнїе предлагаетъ актрисамъ; тотъ дѣлаетъ не иное что, какъ будто идетъ въ открытой домъ для удовольствїя. Наша надушая роль очаровываетъ его чувства, и онъ принужденъ бываетъ весьма дорого платить намъ за сїе очарованїе. Какъ скоро мы отъ всѣхъ заслужили почтенїе; то всякъ знай, что мода и своенравїе ничего незначутъ, и ему самому никакой не приносятъ чести. Мы любимъ того, кто намъ нравится, и оказываемъ всякому благосклонность, кто намъ дорого за это платитъ. Вы были изъ числа послѣднихъ. Вы въ разсужденїи меня съ лишкомъ стары, а я напротивъ молода и хороша; и для того мы не можемъ болѣе продолжать любви. Вы будучи богаты искали во мнѣ благосклонности; я также была къ вамъ снисходительна, кромѣ сердца, котораго я немогла ввѣрить вамъ за ваши малыя достоинства; впрочемъ я всѣмъ служила вамъ за деньги.

Но, вы мнѣ не менѣе тысячи разъ клялись, что безъ меня жить не можете?

Г. Хризофилъ, вы еще по сїе время непонимаете нашего языка?

Развѣ не могли вы увидѣть самой справедливости, или по крайней мѣрѣ примѣтить, что я съ вами играла только одну комедію? Или вы не знаете, что мы тѣмъ и живемъ, и что мы померли бы съ голоду, естьлибы не умѣли хорошо употреблять свою маску.

XX.

Нравоученіе.

Въ самомъ дѣлѣ вы тѣмъ весьма щастливы, сказала актриса, что имѣніе ваше до тѣхъ поръ не истощилось, пока я имѣла удовольствіе васъ принимать, ибо я не сомнѣнно бы тогда отказала вамъ въ любви, какъ скоробъ вы мнѣ наскучили; и не признаетесьли вы сами, что я нестаралась ли всячески о вашемъ щастіи?

Удалитесь въ уединеніе, судьбою и щастіемъ вамъ опредѣленное, и увѣртесь о истиннахъ, вами слышанныхъ; ибо это служитъ намъ нѣкоторымъ родомъ извиненія въ нашихъ проступкахъ, что мы обманываемъ легкомысленныхъ молодыхъ людей, жертвующихъ намъ своими деньгами, пренебрегая здравіе и самую жизнь, и приводимъ въ разумъ престарелыхъ и

влюбчивыхъ стариковъ, которые въ молодости своей не довольно были отъ нашихъ сестеръ проучены.

Во всѣ времена и во всѣхъ земляхъ были мы прямымъ нравоученїемъ своего вѣка. Мы приводимъ людей къ должности противъ ихъ желанїя, и взираемъ тогда на самихъ себя, какъ на орудїе, которымъ честныя женщины должны васъ исправлять.

Хризофилъ симъ нравоученїемъ столь сильно былъ тронутъ, что не говоря ни слова оставилъ свою любовницу и удалился въ уединенїе, въ коемъ пребывая, разсматривалъ онъ свѣтъ очами просвѣщенными и съ духомъ философскимъ, не будучи никогда въ ономъ счастливымъ; и наконецъ увѣрился, что на всѣхъ тѣхъ путяхъ, на которыхъ онъ искалъ только одну мечту прямаго счастїя, а не существо онаго, не можно было найти истиннаго спокойствїя и удовольствїя.

XXI.

КАБИНЕТЪ ГРАЦІЙ.

У Хризофила внутри палатъ было нѣсколько кабинетовъ, кои опредѣлены были только довѣренности и

посвѣщены для невиннаго увеселенія любимцовъ, Туда входъ былъ чрезъ его кабинетъ, и все подавали чрезъ отверстіе, такъ какъ въ нѣкоторое святилище, и притомъ ни одинъ изъ слугъ не дерзалъ подойти къ тому освященному мѣсту. Это былъ небольшой храмъ, богу любви и вина посвященной, для нощнаго служенія. Хризофилъ былъ жрецомъ, а все собраніе новопосвященныхъ состояло изъ самыхъ прекрасныхъ дѣвицъ и остроумныхъ мущинъ, кои въ состояніи были соединить духъ Шамелина и Шалія съ пріятностію Глицеры и невинною красотою Лаодики. Тамъ всѣ старались Вакха умилостивить жертвоприношеніями, состоящими изъ самыхъ лучшихъ винъ и плодовъ, а богиню Цитерскую похвальными пѣснями. Самъ Хризофилъ начальникомъ былъ побольшей части въ праздники, и старался о разпоряженіи и великолѣпіи сихъ роскошныхъ пировъ. Комусъ былъ учредителемъ празднества; Момій занималъ первое мѣсто при столѣ. Слуги не осмѣливались подойти и воззрѣть когда либо непросвѣщенными очами внутрь сего святилища. Когда Жрецы уже преисполнились вдохновеніемъ боговъ, тамо почитаемыхъ; то трезвые помогали имъ отъ туда выходить для порученія

ихъ безъ всякаго шума и обрядовъ власти Морфея. Пышность была изгнана, удовольствїе только тамъ царствовало; однакожъ Хризофилъ никогда немогъ себя предостеречь отъ разслабляющихъ его дѣйствїй, которыя лишали его чувствъ до половины другаго дня, иотъ прочихъ вредныхъ дѣйствїй, оставшихся послѣ присудствїя сихъ божествъ. Сколь далеки были сїи Лукулловы Вакханальства отъ тѣхъ философскихъ веселостей, которымъ онъ не рѣдко завидовалъ и къ коимъ онъ чувствовалъ еще свою способность! Сколь мало наслаждался онъ прїятною и веселою бесѣдою основанною на правилахъ Сократа, при которой онъ нашелъ Филамору.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.